

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: spsml@mail.ru

САБЛИ КАЗАХСКИХ ВОИНОВ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ *

Рассмотрены три сабли, хранящиеся в фондах Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), которые соотносятся с комплексом вооружения казахов XIX в. Анализ документации позволил установить, что две из них (8761–16424 а, б; 8761–13755 а, б) являлись экспонатами московской Этнографической выставки 1867 г. Первая сабля, снабженная рукоятью из рога, происходит с территории Среднего или Старшего жуза. С высокой степенью вероятности можно предполагать, что она является даром Чингиса Валиханова (внука знаменитого хана Аблая, сына последнего хана Среднего жуза Валихана и отца выдающегося исследователя, офицера и путешественника Чокана Валиханова). Вторая сабля с рукоятью из моржового клыка происходит с территории Западного Казахстана. Третья сабля (8763–624 а, б, в) была передана в РЭМ из Центрального музея Казахстана в 1939 г. На основании анализа конструкции и системы оформления установлено, что первые две сабли (8761–16424 а, б; 8761–13755 а, б) представляют собой разновидности «шамширов» переднеазиатского типа. Клинок сабли 8761–16424 снабжен северокавказским клеймом «Базалай». Однако наиболее вероятно, что он, так же как рукоять и ножны, изготовлен не северокавказскими, а иранскими или среднеазиатскими оружейниками, а знаменитое клеймо добавлено для увеличения продажной стоимости оружия. Сабля № 8763–624 совмещает в себе клинок «шамширного типа» и рукоять с навершием в виде стилизованной головы орла. Сабля № 8761–13755 изготовлена иранскими, а сабля № 8763–624 иранскими или среднеазиатскими оружейниками. Портупей всех трех сабель выполнены казахскими или узбекскими мастерами. Сабли из РЭМ могут быть датированы второй половиной XVIII – серединой XIX в. Они наглядно иллюстрируют сведения письменных источников о преобладании в казахском комплексе длинноклинкового оружия XVIII–XIX вв. импортной продукции иранского и среднеазиатского производства.

Ключевые слова: Казахстан, казахи, оружие, сабли, «шамширы».

На протяжении последних десятилетий в научном сообществе России, стран ближнего и дальнего зарубежья наблюдается устойчивый рост интереса к вооружению, военной истории и военному искусству кочевников Центральной и Средней Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Специальные исследования показали, что военное дело nomadов на протяжении данного исторического периода не только не деградировало, но и, напротив, активно развивалось, приспосабливаясь к

новым военно-политическим условиям [Кушкумбаев, 2001; Бобров, 2012а; Бобров и др., 2010; Бобров, Худяков, 2008; 2010]. Публикация ранее неизвестных широкому кругу специалистов и любителей военной истории профильных вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями эволюции военного дела nomadов XVI–XIX вв. Особый интерес в связи с этим вызывают предметы вооружения казахов, ойратов, монголов, киргизов и других

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Президента РФ (МК-4281.2012.6) и Министерства образования и науки РФ (НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла»).

народов Великой Степи, хранящиеся в музейных и частных собраниях и до сегодняшнего времени не введенные в научный оборот.

В фондах Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) хранятся три сабли, которые соотносятся с комплексом вооружения казахов воинов Нового времени. Цель настоящей статьи – описание конструкции и системы оформления сабель, их датировка и атрибуция. В описях РЭМ они проходят под номерами 8761–16424 а, б; 8761–13755 а, б; 8763–624 а, б, в. Для облегчения восприятия материала мы обозначим их «сабля 1» (рис. 1–6), «сабля 2» (рис. 7–12) и «сабля 3» (рис. 13–19) соответственно¹.

По форме сабельной полосы все три экземпляра могут быть отнесены к сильно-изогнутым клинкам с линзовидным сечением и остроугольным острием. Между собой сабли различаются размерами, особенностями конструкции рукояти, системой оформления рукояти и ножен. Рассмотрим их более подробно.

Сабля 1 (РЭМ № 8761–16424 а, б, в) (рис. 1–5), по сравнению с двумя другими образцами, имеет наименьшую кривизну и общую длину, а также самый короткий клинок (см. таблицу). Спуски стального клинка выпуклые, линзовидные. На правой стороне сабельной полосы нанесена надпись арабской графикой: имя «Базалай» и формула «Как пожелает Аллах» в восьмиконечной рамке². Наиболее вероятно, что канавки под всечку желтым металлом³ надрублены зубилом, а не прорезаны штихелем (см. рис. 2). Почти прямой у рукояти клинок начинает существенно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы. Толщина хвостовика клинка переменная: от 8 мм у крестовины до 3,5 мм у наверхшия.

Наверхшие рукояти изгибается под прямым углом, что придает всей рукояти характерную Г-образную форму (см. рис. 1, 3, 4). Щечки рукояти выполнены из коричневого рога толщиной около 7–8 мм. Они крепятся к черену с помощью двух заклепок, одна из которых расположена возле уса перекрестья, а вторая ближе к наверхшию (см. рис. 3,

4). Левая щечка снабжена четырьмя неглубокими прорезями (см. рис. 3, 6). Стальной наконечник наверхшия выполнен в виде наперстка, край которого оформлен четырьмя фестонами-лепестками (см. рис. 3, 4). Крестовина с перекрестьем также изготовлена из стали и имеет гладкую поверхность. Горизонтальные стержни крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются миниатюрными головками в виде уплощенных шариков (см. рис. 1, 3, 4).

Ножны состоят из двух деревянных пластин (плашек), обтянутых черной кожей, стык которой выведен на тыльную сторону. Лицевая часть ножен украшена выпуклым орнаментом в виде нескольких прямых и изогнутых линий, переходящих в стилизованное изображение наконечника стрелы (см. рис. 1, 6). Интересно, что рельефный рисунок образован не тиснением по коже, а вырезан на лицевой деревянной плашке ножен. Наконечник ножен не сохранился. Деревянные плашки на месте утраченного наконечника скреплены 12 витками кожаного ремешка шириной 2–3 мм (см. рис. 1, 6). Прибор ножен состоит из двух стальных обоймиц миндалевидной формы с трапециевидными петлями для пасовых ремней. Последние являются частью портупей, состоящей из четырех кожаных ремней. В месте схождения они переплетены друг с другом, образуя узел, по форме приближенный к квадрату (см. рис. 5). Длина пасовых ремней подобрана таким образом, что ножны фактически висят только на коротком пасовом ремне, пропущенном в верхнюю обоймицу, в то время как нижний пасовый ремень из-за избыточной длины в распределении нагрузки не участвует. При таком подвесе положение ножен приближается к вертикальному (см. рис. 6). Возможно, такая манера ношения длиннокликового оружия связана с европейским влиянием. Сабля носилась воином рукоятью вверх-вперед, обухом клинка вверх.

Особо следует сказать о материале, из которого изготовлены ремни портупей. По всей видимости, перед нами не что иное, как знаменитый «гузьяры» – особый сорт выделанной кожи, изготавливавшийся из шкур верблюдов, быков и яков. В ходе работы над «гузьяры» исходный материал подвергали, помимо прочего, воздействию высокой температуры и дыма от сжигаемой в специальных печах местной травы «калям каяк».

¹ Фотографии (рис. 1–19) выполнены О. В. Ганичевой, без масштаба.

² Чтение Ю. Б. Гавриловой.

³ Предположительно латунь.

Рис. 1 (фото). Сабля 1 с ножнами (№ 18761–16424 а, б, в) – общий вид

Рис. 2 (фото). Надпись на клинке сабли 1

Рис. 3 (фото). Рукоять сабли 1 (вид слева)

«Гузьяры» внешне походил на замшу, но был существенно толще, ценился гораздо выше прочих сортов кожи и употреблялся в том числе для изготовления поясов [Парамонов, 1872. С. 221–222]. За то время, что сабля применялась по назначению, а затем хранилась в музейных коллекциях, ремни сильно пожелтели, однако изначально они имели белый цвет, что в точности соответствует цвету ремней португалии казахской сабли с рисунка В. Плотникова 1861 г., хранящегося в Архиве РЭМ.

Важная задача – выявление времени и обстоятельств передачи сабли в музейное собрание. В данном случае детальное изучение документации позволяет установить не только конкретный год, но и имена предполагаемых дарителей оружия. В связи с тем что условия поступления сабель 1 и 2 в коллекции РЭМ тесно связаны между собой, представляется логичным рассмотреть их совместно. Обе сабли были переданы в РЭМ из Музея народов СССР. Необходимо отметить, что РЭМ не располагает учетной документацией МН СССР в полном объеме. Довольно часто поиски информации по предметам, поступившим из Музея народов, не дают никакого результата. Однако система нумерации МН отличалась сложной структурой: параллельно с общемузейным номером по книге поступлений на экспонате писали дополнительный номер, состоящий из двух цифр – номера книги, соответствующего определенному народу, и номера предмета в книге. В целом эти двойные номера можно интерпретировать как номера инвентарных описей по народам. Кроме того, на некоторых предметах из коллекций МН СССР сохранились наклейные марки с номерами инвентарных описей отделов музея. В данном случае именно эти номера на марках и позволили получить первые результаты в исследовании, отчасти прояснившим музейную историю сабель.

Необходимо заметить, что МН СССР унаследовал коллекции Дашковского этнографического музея, или, как его еще называли, Этнографического отдела Румянцевского музея [Ипполитова, 2001. С. 144, 145, 152]. В инвентарной описи Иностранного отдела ДЭМ были обнаружены достаточно подробные описания сабель, числившихся за «киргиз-кайсаками» под номерами 1567 (соответствует сабле 1) и 1569 (соответствует

сабле 2) ⁴. Описания сопровождалось сокращением, помещенным в графе «Местность и время поступления предмета» напротив каждой сабли: «С. О. М. в. I. Стр. 104». Дальнейшие поиски привели к опубликованному в 1887 г. «Систематическому описанию коллекций Дашковского этнографического музея, составленному хранителем музея, профессором В. Ф. Миллером» ⁵. На страницах этого труда содержится следующая запись: «Из быта киргизов музей содержит следующие предметы... Сабля (клыч) с роговой рукоятью; сабля (клыч) с костяной рукоятью 2 экз.». Список из 81 наименования заканчивается лаконичной фразой: «Предметы из быта киргиз-кайсаков пожертвованы гг. Валихановым, Ханхожиным, генералами Крыжановским и Баллюзecom» [Систематическое описание..., 1887. С. 104, 109].

В опубликованном десятью годами ранее каталоге ДЭМ, составленном первым хранителем ДЭМ Н. Г. Керцелли, одна «кривая сабля» (клыш) числится за «сибирскими киргизами» Средней и Большой Орды, а две другие «сабли кривые» (клыч) – за киргизами из Оренбургской губернии. Список 112 «киргизских» (т. е. казахских) предметов заканчивается знакомой подписью: «Дар гг. Валиханова, Ханхожина, Крыжановского и Баллюзека» [Каталог Дашковского..., 1877. С. 56, 58]. В архиве РЭМ хранятся рукописные описи, составленные Н. Г. Керцелли, позволившие уточнить происхождение интересующих нас предметов. Рукопись Систематического каталога коллекций ДЭМ повторяет (точнее, предвещает) известную по печатному варианту информацию ⁶, а вот инвентарная опись коллекций ДЭМ, датированная 1868 г., содержит более подробные сведения о дарителях. В разделе «Предметы домашнего быта и орудия» выделен подраздел «Киргизские Средней и Большой Орды (Сибирские)», куда входит «кривая сабля» (клыш).

Вся коллекция по «Сибирским киргизам» обозначена как «Дар полковника Чингиза Валиханова и султана-сотника Арынгазы Ханхожина». Две другие «сабли кривые» (клыч) входят в подраздел «Киргизские Оренбургской губернии», причем коллек-

Рис. 4 (фото). Рукоять сабли 1 (вид справа)

ция, составившая этот подраздел, подарена Оренбургским исполнительным комитетом, учрежденным генерал-губернатором Оренбургского края Н. А. Крыжановским при содействии генерал-майора Л. Ф. Баллюзека ⁷.

Поскольку в «Книге приношений в пользу Этнографического Дашковского Музея», хранящейся в архиве РЭМ ⁸, информации о поступлении коллекций, включающих интересующие нас сабли, нет, остается предположить, что они поступили в музей до его образования.

Сделаем небольшое отступление, чтобы читатель смог представить себе историю этнографической коллекции, частью которой были описываемые сабли. В конце 1864 г. члены действовавшего при Московском университете Общества любителей естествознания учредили распорядительный комитет для подготовки антропологической

⁴ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 20. Л. 54.

⁵ Следует, видимо, предположить, что «С. О. М.» означает «Систематическое описание Миллера».

⁶ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 30. Л. 43.

⁷ Там же. Д. 31. Л. 64.

⁸ Там же. Д. 36.

Рис. 5 (фото). Узел из пасовых ремней поясной портупей сабли 1 (вид сверху)

Рис. 6 (фото). Постановочная фотография с саблей 1; калоши (РЭМ № 1062-19 а, б); рубаха (РЭМ № 4532-11); шуба (РЭМ № 5525-7); малахай (РЭМ № 7430-14); штаны (РЭМ № 8762-23499); пояс (РЭМ № 8762-23523 а–г)

Рис. 7 (фото). Сабля 2 с ножнами (№ 8761-13755 а, б) – общий вид

Рис. 8 (фото). Сабля 2 (фрагмент клинка)

Рис. 9 (фото). Рукоять сабли 2 (вид слева)

выставки. В мае 1865 г. в этот комитет обратился В. А. Дашков, который на тот момент являлся помощником директора Московского публичного и Румянцевского музеев, а также, что очень важно, церемониймейстером двора Его Императорского Величества. Суть предложения Дашкова сводилась к следующему: он обязался предоставить комитету необходимые для подготовки выставки финансовые средства, с тем чтобы по ее окончании собранные этнографические коллекции были переданы в Румянцевский музей. Щедрое предложение было принято, планируемая выставка получила официальное название «Русская этнографическая выставка Общества любителей естествознания», а сам Василий Андреевич был избран председателем распорядительного комитета. В июне 1865 г. последовало соизволение императора на открытие этнографической выставки весной 1867 г. и на принятие по окончании выставки ее этнографических собраний в собственность Московского публичного музея под именем «Дашковского этнографического музея, устроенного при содействии Общества любителей естествознания при Московском университете» [Эт-

нографическая выставка..., 1878. С. 1–3, 74–76].

Таким образом, поиски данных по казахским саблям привели нас к спискам экспонатов московской Этнографической выставки 1867 г. В Общем этнографическом отделе выставки среди предметов домашнего быта и орудий «киргизов» Средней и Большой орды (сибирских) значится «клыш (кривая сабля)». Предметы этой группы принесены в дар полковником Чингисом Валихановым и султаном-сотником Арынгазы Ханхожиным. Среди предметов домашнего быта и орудий «киргизов» Оренбургской губернии числятся «две сабли кривые (кыч)», подаренные оренбургским Комитетом, учрежденным генерал-губернатором Оренбургского края Н. А. Крыжановским под председательством генерал-майора Л. Ф. Баллюэка [Там же. С. 61].

Если с саблями, подаренными оренбургским Комитетом, в первом приближении все более или менее ясно, то третья сабля вызывает вопросы. В описании выставки упомянуто, что полковник Валиханов был старшим султаном Кокчетавского округа Области сибирских киргизов (административный центр г. Омск), а султан сотник Арынгазы Ханхожин был старшим султаном Семипалатинского округа (административный центр г. Семипалатинск) [Там же. С. 43]. Поскольку две этнографические коллекции собирались разными людьми на раз-

ных в административном плане территориях, упомянутую саблю мог преподнести либо Ч. Валиханов, либо А. Ханхожин. В поисках дополнительных данных пришлось

Рис. 10 (фото). Рукоять сабли 2 (вид справа)

Рис. 11 (фото). Пряжка поясной портупеи сабли 2 (общий вид)

Рис. 12 (фото). Постановочная фотография с саблей 2

обратиться к печатным изданиям, в которых распорядительный комитет по подготовке выставки периодически публиковал отчеты о своей работе. В газете «Московские ведомости» удалось обнаружить следующую информацию: «В течение декабря 1866 года и января 1867 года, в распорядительный комитет по устройству Русской этнографической выставки поступили следующие приношения... От бывшего старшего султана Кокчетавского округа, области киргизов, г. полковника Валиханова, через содействие главного управления Западной Сибири: два мужские, два женские и два детские костюма киргиз, юрта, домашняя посуда, музыкальные инструменты, детские игрушки, *оружие* (курсив наш. – Л. Б., Д. Ш.) и конские приборы. От старшего султана Семипалатинского округа, султана-сотника Арынгазы Ханхожина, через содействие г. военного губернатора Семипалатинской области гене-

рала Колпаковского: киргизские костюмы мужской и женский, юрта, хозяйственные и домашние принадлежности, посуда, орудия, музыкальные инструменты и различные изделия киргиз» [Московские ведомости, 1867. С. 1].

К сожалению, эта информация может быть признана лишь косвенной. До тех пор пока не будут обнаружены точные списки даров Ч. Валиханова или А. Ханхожина, мы можем лишь предполагать, что одна из казахских сабель, полученных в дар для Русской этнографической выставки, преподнесена именно Ч. Валихановым. Еще один спорный момент в музейной судьбе казахских сабель РЭМ возникает в результате несоответствия двух систематических описаний коллекций ДЭМ. Если Н. Г. Керцелли в целом следовал структуре описания, сложившейся во время выставки 1867 г., и сохранил разбивку предметов в соответствии

Рис. 13 (фото). Сабля 3 (№ 8763–624 а, б, в) – общий вид

Рис. 14 (фото). Рукоять сабли 3 (вид слева)

Рис. 15 (фото). Рукоять сабли 3 (вид справа)

с поступавшими коллекциями «по собира-телям», то В. Ф. Миллер в значительной степени отказался от этого принципа, рассматривая все казахские предметы в совокупности. В результате мы имеем цепь доказательств, как бы разорванную на две части. С одной стороны, нам известно, что на Этнографическую выставку поступили три сабли – две из Оренбурга, одна от Ч. Валиханова (или, что менее вероятно, от А. Ханхожина). Точными описаниями этих сабель мы не располагаем, и определить, откуда именно поступили две сабли, хранящиеся ныне в РЭМ, не представляется возможным. С другой стороны, благодаря подробному описанию сабель в инвентарной описи Иностранного отдела ДЭМ⁹ и ссылкам на Систематическое описание коллекций ДЭМ В. Ф. Миллера, мы знаем, что сабля 1 с рукоятью из рога соответствует записи Миллера «сабля (клыч) с роговой рукоятью», а сабля 2 с рукоятью из моржового клыка соответствует одной из двух сабель, обозначенных у Миллера как «сабля (клыч) с костяной рукоятью 2 экз.» [Систематическое описание..., 1887. С. 104]. Если В. Ф. Миллер в данном случае сохранил разбивку Н. Г. Керцелли (1 + 2) по поступившим коллекциям, то мы можем «связать» разорванную нить рассуждения, если же три сабли у Миллера были разделены на две группы (1 + 2) заново по материалу рукояти, то определить точно дарителей по имеющейся на данный момент информации затруднительно.

В итоге мы приходим к следующим выводам: казахские сабли 1 и 2 экспонировались на Этнографической выставке 1867 г. Мы можем с большой долей вероятности предполагать, что сабля 1 в ножнах с роговой рукоятью получена в дар от Чингиса Валиханова, внука знаменитого хана Аблая, сына последнего хана Среднего жуза Валихана и отца выдающегося исследователя, офицера и путешественника Чокана Валиханова. Эта сабля могла принадлежать как самому Чингису Валиханову, так и одному из представителей казахской знати, проживавшему на территории Среднего или Старшего жуза, т. е. в Центральном, Восточном или соответственно Юго-Восточном Казахстане.

⁹ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 20. Л. 54.

Рис. 16 (фото). Наконечник ножен сабли 3

Если владельца сабли 1 можно определить по материалам российских письменных источников, то типологический анализ конструкции и системы оформления клинка, рукояти и ножен позволяет уточнить место и время их изготовления¹⁰. Сочетание клинка характерной формы и Г-образной рукояти с крестообразной гардой позволяет отнести саблю 1 к числу «шамширов». Родиной данной разновидности сабель является Иран, откуда «шамширы»¹¹ распространились по

всей Западной и Средней Азии, а также Северной Африке и Индии. Первые образцы классических «шамширов» появились в Иране еще в позднем Средневековье. Однако пик их популярности пришелся на вторую половину XVIII – первую половину XIX в., когда металлическое защитное вооружение стало выходить из широкого военного обихода¹². Сильноизогнутым клинком «шамшира» затруднительно нанести укол, аналогичный уколу северокавказской сабли со «штыковидным» острием, а по своим рубящим свойствам «шамшир» уступал массивным слабоизогнутым саблям с елманью. Однако «львиный коготь» превосходил своих предшественников и «конкурентов» по другому важному показателю. Главным преимуществом изогнутого «шамшира» была доведенная почти до совершенства

¹⁰ Фотография и основные размеры сабли 1 были приведены в книге «Холодное оружие в собрании РЭМ». В документах МН СССР, в частности в описи экспонатов отдела Средней Азии и Казахстана за 1932 г. (АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 57, дубль «В». С. 452), сабля ошибочно атрибутирована, как «киргизская». Разночтения в научной документации привели к тому, что этническая принадлежность сабли в данном издании была обозначена как «народ неизвестен» [Холодное оружие..., 2006. С. 169].

¹¹ Иногда данная разновидность сабель из-за характерного изгиба клинка именуется «львиный коготь», или «львиный хвост».

¹² В этот период «шамширы» и их дериваты изготавливались мастерами Ирана, Турции, Северного Кавказа, Средней Азии, Индии.

Рис. 17 (фото). Бляха распределителя ремней сабли 3 (вид сверху)

Рис. 18 (фото). Бляха распределителя ремней сабли 3 (вид снизу)

Рис. 19 (фото). Постановочная фотография с саблей 3

режущая функция клинка, что в сочетании с Г-образной рукоятью позволяло наносить стремительные и мощные проносные удары, оставлявшие на теле противника чудовищные расчленяющие раны¹³. Если панцирник в столкновении с противником, вооруженным «шамширом», еще мог положиться на крепость своей брони, то для бездоспешного воина раны, нанесенные «шамширом», могли оказаться роковыми. В комплексе длинноклинкового оружия казахских воинов XVIII–XIX вв. «шамширы» иранского и среднеазиатского производства являлись наиболее популярной разновидностью са-

бель [Бобров, Пронин, 2012. С. 580, 581]. Вооруженный «шамширом» казахский Кутыр-батыр запечатлен на рисунке Джона Кэстля, посетившего ставку казахского хана Абулхаира в середине 30-х гг. XVIII в. (рис. 20).

Сабля 1 из РЭМ по своим размерам, конструкции и системе оформления весьма близка иранским «шамширам» XVIII–XIX вв. и отличается от эталонных образцов лишь рядом деталей. Наибольший интерес вызывает надпись на клинке. Именно она заставляет усомниться в том, что сабля целиком выполнена персидскими или узбекскими оружейниками. Дело в том, что клеймо «Базалай» характерно для изделий северокавказских мастеров. Более того, оно настолько прочно связано с дагестанской оружейной традицией, что стало на Кавказе отчасти нарицательным [Аствацатурян, 1995. С. 62, 106–107; 2004. С. 256, 257]. По распростра-

¹³ При завершении сильного проносного удара, «шамшир» с массивным изогнутым клинком стремится по инерции вылететь из руки со стороны большого пальца, чему и препятствует загнутое под прямым углом навершие Г-образной рукояти, которое в данном случае играет роль упора.

Сабли казахских воинов из фондов РЭМ (размеры в мм)

Элементы сабель и ножен	Сабля 1 (8761–16424 а, б, в)	Сабля 2 (8761–13755 а, б)	Сабля 3 (8763–624 а, б, в)
Длина сабли наибольшая (от навершия рукояти до острия)	816	904	908
Длина клинка (от основания лезвия до острия)	684	775	795
Ширина / толщина клинка у рукояти	30/5	31,5/6	30,3/5,8
Ширина / толщина клинка в центральной части	27/4,2	30/5,7	26,7/4,3
Ширина / толщина клинка на расстоянии 10 мм от острия	8/2,5	7,7/1,4	9,3/1,6
Длина рукояти (от навершия до конца перекрестья)	156–158	164–165	153–154
Ширина рукояти (соответствует ширине хвостовика)	17–18	21,4–23,8	22,1–22,6
Диаметр навершия рукояти	21,5–22,5	21,5–22,55	–
Длина навершия рукояти	33	36	28,5/34 *
Длина крестовины	153	111,5	156
Длина перекрестья	62 **	77,2–78,8	78
Изгиб клинка ***	89/285	119/346	113/330
Длина ножен	693	827	828
Ширина ножен возле устья	44	45,5	40,4
Ширина ножен в центральной части	43	51	47,3
Ширина ножен на расстоянии 20 мм от окончания ножен	23,5	29,3	25,7
Высота верхней / нижней обоймицы наибольшая	30,5/28,5	28,8/30,5	27/28,6
Ширина верхней / нижней обоймицы вместе с петлей для ремня	68/69,4	65,5/67,8	69,2/69,2
Высота наконечника ножен с лицевой стороны	–	310 ****	263
Ширина наконечника ножен наибольшая (по бортику)	–	48,5	42,5
Длина двойного ремня, идущего от верхней / нижней обоймицы	160/350	–/350	192/330
Длина двойного ремня, идущего по левому боку воина	220	285	–
Длина одинарного ремня, идущего сзади по талии или через спину воина	1240	2060	–
Ширина петли темляка	15	–	–
Длина / ширина поясной пряжки	–	58/29	–
Диаметр бляхи распределителя ремней / крепежного кольца	–	–	41 ***** /38,7–31,5

* Ширина «орлиной головы» навершия рукояти.

** Дана длина перекрестья с левой стороны рукояти, так как ус перекрестья с правой стороны закрыт кожаными ремешками.

*** Изгиб клинка дан по методу А. Н. Кулинского, согласно которому изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка (у рукояти) со стороны лезвия до кончика острия.

**** Высота наконечника ножен указана с учетом Г-образного выступа.

***** Диаметр полусферической части бляхи 30,4 мм.

Tab.I.

Рис. 20. Джон Кестль. Бухарский ахун, второй сын Абулхаир-хана султан Ералы и Кутыр-батыр (1736 г.)
Из частной коллекции

ненной версии название клейма происходит от фамилии оружейников из селения Верхнее Казанище (Дагестан). Основатель династии Уллу Базалай родился в 60–70-х гг. XVIII в., а продолживший его дело внук – в 20-х гг. XIX в. Их наследники продолжали специализироваться на изготовлении высококачественного оружия вплоть до начала XX в. Базалаевы изготавливали шашки, сабли, кинжалы, ружья, но прославились в первую очередь как знаменитые мастера-«клиночники» [Аствацатурян, 2004. С. 256]. Клеймо «Базалай» на кинжале или шашке являлось гарантией их высокого качества, что естественным образом отражалось на цене оружия. По отзывам современников, если клинки «хороших мастеров» стоили 5 рублей серебром, то клинки Базалая –

10 рублей, т. е. в два раза дороже. Имя Базалаевых было известно далеко за пределами Дагестана, а их продукция активно вывозилась за пределы Северного Кавказа, в том числе и в Россию [Там же]¹⁴. Естественно, что высокая стоимость и качество изделий Базалаевых стимулировали появление многочисленных подделок, снабженных их клеймом [Аствацатурян, 2004. С. 256, 257]. По мнению исследователей кавказского оружия, дагестанские сабли испытали на себе сильное иранское влияние, что прояви-

¹⁴ Характерно, что именно Базалаеву была доверена высокая честь представить свою кинжальную продукцию на международной выставке в Лондоне в 1851 г. [Аствацатурян, 2004. С. 256].

лось в конструкции и системе оформления клинка и рукояти: «Часто встречаются клинки, подражающие иранским. По форме они не отличаются от них, но их кавказское происхождение выдает материал: они изготовлены не из булатной, а из обычной стали» [Там же. С. 199, 201]. Это в точности соответствует клинку сабли 1 из РЭМ, который повторяет форму классического «шамшира», но изготовлен из обычной стали. Учитывая данный факт, а также наличие клейма «Базалай», представляется возможным предположить, что сабельная полоса сабли 1 была изготовлена северокавказскими оружейниками. Однако более вероятно, что она была выкована иранскими или среднеазиатскими мастерами, которые снабдили клинок своей работы знаменитым северокавказским клеймом с целью повысить его престижность и продажную стоимость. Если клеймо было нанесено на поверхность клинка непосредственно после его изготовления, то сабельная полоса не старше конца XVIII в. Учитывая, что сабля была передана на выставку в 1867 г., наиболее вероятным временем выполнения клинка следует считать конец XVIII – первую половину XIX в.

Если происхождение клинка может являться предметом дискуссии, то оформление рукояти и ножен однозначно свидетельствует о работе иранских или среднеазиатских мастеров. Однако и здесь имеется ряд интересных нюансов. Щечки рукоятей большинства классических переднеазиатских «шамширов» обычно выполнены из светлой кости. Рукояти из темного рога (как в данном случае) встречаются значительно реже. Однако они также присутствуют на изделиях как иранских, так и узбекских оружейников XVIII–XIX вв. [Царскосельский арсенал..., 2000. С. 27; Khorasani, 2006. P. 187, 446, 447, 449, 486, 498, 535, 536, 541, 549, 550; 2010. P. 487, 490, 496–498]¹⁵. Еще одной особенностью сабли является удлиненная крестовина, особенно заметная в сочетании с длинной узкой рукоятью и относительно коротким клинком (см. таблицу).

¹⁵ Интересно, что «шамшир», принадлежавший знатному казахскому или киргизскому воину, запечатленный на цветных рисунках П. М. Кошарова (1857 г.), также имеет темную (предположительно роговую) рукоять [Большой атлас..., 2008. С. 399].

Среди иранских материалов такие гарды с удлиненной крестовиной хотя и встречаются реже классических образцов, но представлены все же весьма широко [Khorasani, 2006. P. 434, 438, 439, 458, 485, 486, 492, 493, 526–529, 533, 536, 537, 544, 553]. Все остальные сабельные элементы (наперстковидный наконечник навершия рукояти, деревянные обтянутые черной кожей и украшенные характерным выпуклым орнаментом ножны, миндалевидные обоймицы) являются стандартными для иранских «шамширов» XVIII–XIX вв. [Khorasani, 2006. P. 192, 444, 447, 458, 474, 477, 489, 501, 503, 508, 523, 524, 549].

Таким образом, сабля 1 из фондов РЭМ может быть отнесена к одному из вариантов классических переднеазиатских «шамширов» с укороченным клинком, роговой Г-образной рукоятью с наперстковидным металлическим наконечником и удлиненной крестовиной. Судя по конструкции и системе оформления, клинок сабли был изготовлен иранскими, среднеазиатскими, или (что менее вероятно) северокавказскими оружейниками, а рукоять и ножны иранскими или среднеазиатскими мастерами в конце XVIII – середине XIX в. Авторами сабельной портупей, скорее всего, являются казахские или узбекские кожевники. Схожие по конструкции сабли в деревянных обтянутых черной кожей ножнах представлены в музейных собраниях Исламской республики Иран и частных коллекциях.

Сабля 2 (РЭМ № 8761–13755 а, б) отличается от описанного выше экземпляра большей длиной и изгибом (см. таблицу), особенностями конструкции и декоративного оформления рукояти и ножен (см. рис. 7–12). Клинок сабли выполнен из булатной стали (см. рис. 8). Спуски клинка выпуклые, линзовидные. Слабый изгиб клинка начинается у рукояти и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы. Толщина хвостовика у навершия составляет около 6,55 мм.

Как и в предыдущем случае, сабля имеет рукоять Г-образной формы (см. рис. 7, 9, 10). Щечки выполнены из пластин моржового клыка толщиной около 8–9 мм. Они крепятся к хвостовику с помощью трех заклепок, расположенных вдоль рукояти от уса перекрестья к навершию (см. рис. 9, 10). Правая щечка состоит из двух различных по оттенку фрагментов моржового клыка.

Фрагменты подогнаны друг к другу, а в месте их стыка размещена тонкая металлическая пластинка (см. рис. 10). Часть левой щечки утрачена (см. рис. 9). Металлический (предположительно стальной) наконечник навершия рукояти выполнен в виде граненого наперстка, нижний край которого оформлен двумя короткими и двумя длинными фестонами-лепестками (см. рис. 7, 9, 10). Крестовина с перекрестьем изготовлена из булата и имеет гладкую поверхность. Укороченные горизонтальные стержни крестовины увенчаны миниатюрными шляпковидными головками (см. рис. 7, 9, 10).

Ножны состоят из двух деревянных пластин (плашек), обтянутых черной кожей, стык которой выведен на тыльную сторону. На поверхности плашки, формирующей лицевую поверхность ножен, вырезан орнамент в виде нескольких прямых и изогнутых линий, переходящих в стилизованные изображения трехлепестковых бутонов (см. рис. 7). Прибор ножен состоит из двух стальных обоймиц и наконечника. Обоймицы миндалевидной формы с овальными петлями для пазовых ремней украшены семью сквозными отверстиями и зубцом на внутренней стороне петли (см. рис. 7). Наконечник изготовлен из свернутой в конус толстой твердой кожи. Его продольный шов выведен на тыльную сторону ножен. Верхний край наконечника оформлен полукруглыми фестонами и Т-образным выступом. В фигурный выступ вбиты три гвоздя с полукруглыми шляпками, с помощью которых наконечник крепится к ножнам. Лицевая поверхность наконечника украшена точечным и елочным орнаментом (см. рис. 7).

Сохранились три из четырех кожаных ремней, ранее составлявших портупею ножен. Один из них (судя по длине) служил пазовым ремнем нижней обоймицы; два других (короткий и длинный) охватывали корпус воина (см. рис. 7). На коротком ремне закреплена стальная прямоугольная пряжка с петлей в виде четырехлепесткового цветка (см. рис. 11). Парная ей пряжка с крючком утрачена. Конец длинного ремня разрезан на четыре полосы, сплетенные в декоративный узел с кистью (см. рис. 7). Судя по расположению лицевой стороны ножен и обоймиц, сабля носилась рукоятью вперед-вверх, обухом клинка вверх.

Сабля 2 предположительно получена в дар от сотрудников Вспомогательного по

устройству выставки комитета, учрежденного генерал-губернатором Оренбургского края Н. А. Крыжановским и состоящего под председательством управляющего Областью оренбургских киргизов генерал-майора Л. Ф. Баллюзека (см. выше). Владельцем сабли был представитель кочевой знати с территории Западного Казахстана. Будем надеяться, что архивные поиски позволят уточнить, кому именно из казахских султанов Младшего (или, что менее вероятно, Среднего) жуза эта сабля принадлежала.

На основании типологического анализа сабля 2 из фондов РЭМ может быть отнесена к одному из вариантов классических переднеазиатских «шамширов» с костяной Г-образной рукоятью с наперстковидным металлическим наконечником и укороченной крестовиной. Интересно, что щечки рукояти изготовлены из моржового клыка, причем последний обработан таким образом, чтобы информированный зритель мог сразу заметить, что перед ним не «обычная» кость, а дорогой «зуб северного зверя». Высокую ценность сабли подчеркивал ее клинок, выполненный не из обычной стали, а из высококачественного булата (см. рис. 8, 12). Еще одной характерной чертой сабли является изящная симметричная гарда с укороченными стержнями крестовины, снабженными шляпковидными головками. Показательно, что высококачественный клинок и рукоять из моржового клыка соседствует с весьма лаконичным оформлением ножен и портупеи. Орнамент на лицевой стороне ножен, конструкция и оформление обоймиц с петлями являются стандартными для иранских сабель Нового времени [Khorasani, 2006. P. 192, 445, 449, 458, 461, 470, 472, 474, 503, 516, 523, 524; 2010. P. 487]. Судя по конструкции и системе оформления клинка, рукояти и ножен, сабля 2 была изготовлена во второй половине XVIII – середине XIX в. иранскими оружейниками. Схожие по конструкции сабли хранятся в Военном музее Тегерана и частных коллекциях [Khorasani, 2006. P. 429, 471, 513, 521, 547]. Сабельная портупея предположительно выполнена казахскими или узбекскими мастерами.

Сабля 3 (РЭМ № 8763-624 а, б, в) имеет наибольшую общую длину, самый длинный клинок (см. таблицу) и оригинальное оформление навершия рукояти (см. рис. 13–19). Поверхность клинка патинирована, поэтому уверенно определить структуру металла за-

труднительно. По косвенным данным (субъективное ощущение веса клинка, характер деформации в плоскости клинка) можно предположить, что он изготовлен из обычной стали. Спуски клинка незначительно выпуклые, а толщина хвостовика меняется от 4,8 мм у крестовины до 3,5 мм у навершия. Почти прямой у рукояти клинок начинает сильно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы (см. рис. 13, 19).

Рукоять сабли образуют две щечки моржового клыка толщиной около 9 мм. Щечки крепятся к черену с помощью трех заклепок, одна из которых расположена у перекрестья, а две другие на навершии. Последнее представляет собой стилизованную голову орла с выделенным загнутым клювом и хохолком (см. рис. 14, 15). Со стороны спинки рукояти стык щечек запаян серебряной пластиной. Крестообразная гарда изготовлена из стали и имеет гладкую поверхность. Горизонтальные стержни удлиненной крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются головками в виде миниатюрных «луковиц» (см. рис. 14, 15).

Ножны состоят из двух деревянных пластин (плашек), обтянутых черной кожей, стык которой выведен на тыльную сторону. Лицевая часть ножен украшена выпуклым орнаментом в виде нескольких прямых и изогнутых линий, переходящих в стилизованное изображение трех трехлепестковых бутонов (см. рис. 13). Прибор ножен состоит из двух стальных миндалевидных обоймиц с петлями подтреугольной формы и уплощенного конического наконечника. Последний выполнен из серебряного листа 916-й пробы толщиной около 0,3 мм. Верхний край наконечника (на лицевой стороне ножен) украшен треугольным выступом с выпуклым кантом, покрытым точечным орнаментом (см. рис. 16). Поверхность ножен выше наконечника обмотана кожаным ремешком — семь витков, прибитых к деревянным плашкам с помощью стальных гвоздей, под шляпки которых подложены шайбы из недорогого металла (см. рис. 13).

Распределитель ремней изготовлен в виде бляхи полусферической формы в обрамлении 21 круглого «лепестка», представляющих собой неглубокие округлые гнезда, в которые вставлены кусочки бирюзы (см. рис. 13, 17). С внутренней стороны бляхи на

четырех штифтах укреплено овальное медное кольцо распределителя, через которое пропущены два пасовых ремня (см. рис. 18). Длина ремней такова, что при подвесе за распределитель ремней вектор, образованный частью ножен между двумя обоймицами, отклоняется от вертикали примерно на 15° (см. рис. 19).

Сабля 3 в ножнах поступила в РЭМ из расформированного МН СССР в 1948 г. На сабле сохранились номера МН СССР, в частности № 64420 по книге поступлений. Соответствующий том книги поступлений МН СССР хранится в АРЭМ¹⁶. Согласно изложенным там сведениям, сотрудники Музея народов товарищи Корбе и Султанов получили означенную саблю (в числе прочих экспонатов) в Центральном музее Казахстана в Алма-Ате в 1939 г. В учетной документации МН СССР она числилась как «Сабля повстанцев 1916 г.». В кратком виде история поступления сабли зафиксирована и в документах РЭМ¹⁷.

На сабле сохранились старые номера, не принадлежащие РЭМ и МН СССР: «ЦМК ПК-1094/К-117». Буквы «ЦМК», очевидно, расшифровываются как «Центральный музей Казахстана», буквы «ПК» и «К» читаются с трудом, возможны другие варианты прочтения, но цифры точны. Будем надеяться, что в будущем в архиве Центрального государственного музея Республики Казахстан (бывший ЦМК) удастся отыскать информацию о времени поступления сабли в музей, области, откуда она поступила, имени дарителя или приобретателя. В книге «Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея», вышедшей в 2006 г., были опубликованы фотография сабли № 8763-624, ее основные размеры, краткое описание и архивная справка. Сведения о данной сабле, для упомянутого издания, были подготовлены зав. отделом специализированного хранения РЭМ Е. И. Нератовой. Сабля была соотнесена с комплексом вооружения казахов и датирована XIX в. [Холодное оружие..., 2006. С. 220].

Форма клинка, гарды, конструкция и система оформления ножен традиционны для переднеазиатских «шамширов», однако

¹⁶ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 16. С. 441.

¹⁷ Документы ОНД РЭМ: Опись коллекции 8763 Т. О. К. 1. Л. 253.

навершие рукояти резко отличает саблю 3 от классических «шамширов» в целом и от двух описанных выше образцов в частности. «Орлиные» рукояти являются ярким признаком польских «карабел», турецких сабель «пала», «кльч» / «клих» («карабел») XVII в. и «кылыч» XVIII в. [Аствацатурян, 2002. С. 90–101, 106, 110]. Сочетание «шамширного» клинка и гарды с «орлиной» рукоятью позволяет отнести саблю 3 к числу симбиотических образцов. В связи с тем, что основой для классификации сабель является боевая часть (клинок), саблю 3 можно отнести к числу дериватов «шамшира». Особо отметим, что «орлиная» рукоять не означает, что сабля была обязательно изготовлена османскими мастерами. Подобными экспериментами нередко занимались и оружейники других азиатских стран. Сочетание «орлиной» рукояти с клинком «шамширного типа» встречается среди изделий иранских, среднеазиатских и индийских оружейников [Аствацатурян, 2002. С. 92; Бобров, Пронин, 2012. С. 575, 578]. Ближайший аналог сабли из РЭМ хранится в Военном музее Тегерана (инв. № 372)¹⁸. Сабельная рукоять из иранского собрания имеет схожие размеры, идентичные пропорции и конструкцию (вплоть до расположения фиксирующих «щечки» заклепок, формы удлиненной стержней крестовины) и отличается от рукояти из РЭМ наличием узора на гарде и лучшей сохранностью [Khorasani, 2006. P. 180, 444, 445]. Последний факт позволяет составить впечатление о том, как выглядела «орлиная» рукоять сабли из РЭМ до того, как ее навершие было деформировано в ходе длительного употребления. Из других оригинальных элементов оформления сабли 3 следует отметить обмотку ножен кожаным ремешком. Этот оформительский прием фиксируется на материалах Средней Азии, в частности у туркмен [Холодное оружие..., 2006. С. 221, 222]. Все остальные элементы сабли (форма клинка, конструкция перекрестья, система оформления ножен и обоймиц, рисунок на лицевой пластине ножен) явля-

ются стандартными для переднеазиатских «шамширов». Наконечники, свернутые из серебряного или золотого листа с треугольным выступом, также достаточно часто встречаются на ножнах иранских сабель позднего Средневековья и раннего Нового времени [Khorasani, 2006. P. 194, 436, 458, 494, 515, 517, 518, 529; 2010. P. 487, 489].

Необходимо отметить, что «орлиные» сабли не являлись для казахских воинов Нового времени чем-то абсолютно экзотичным. Сабли, рукояти которых были украшены орлиными головами, применялись казахами, как минимум, с первой половины XVIII в. Так, например, такой саблей на рисунке Д. Кэстля (1736 г.) вооружен малолетний сын хана Младшего жуза Абулхаира султана Ералы (см. рис. 20). В Центральном государственном музее РК хранится сабля среднеазиатского производства, навершие которой выполнено в виде головы орла с детально проработанным клювом, глазами и оперением [Бобров, Пронин, 2012. С. 575. Рис. 1, 15].

В настоящее время сложно сказать, что заставило сотрудников Центрального музея Казахстана соотносить данную саблю с комплексом вооружения участников восстания 1916 г. Возможно, она действительно использовалась одним из степных повстанцев. Однако в этом случае сабля могла достаться ему по наследству от одного из состоятельных предков, живших в XIX в. Конструкция и система оформления сабли и ножен позволяют утверждать, что они были изготовлены во второй половине XVIII – середине XIX в. иранскими или среднеазиатскими оружейниками. Распределитель и портупея были выполнены казахскими или узбекскими мастерами.

Подводя итог, необходимо отметить, что сабли из РЭМ являются наглядным подтверждением данных письменных источников о преобладании в казахском комплексе длинноклинового оружия XVIII – середины XIX в. импортной продукции иранского и среднеазиатского производства [Бобров, 2012б. С. 356]. Отбирая «шамширы» переднеазиатского типа для оборудования казахской экспозиции Этнографической выставки 1867 г., представители степной знати и российские чиновники, на наш взгляд, руководствовались несколькими причинами. Наряду с высоким качеством исполнения принципиальное значение имел тот факт,

¹⁸ Сотрудники иранского музея датировали хранящуюся у них саблю временем правления шаха Сефи I Сефевида (1629–1642). На наш взгляд, сабля значительно моложе. Судя по конструкции, системе оформления клинка и ножен она была изготовлена в XVIII – начале XIX в.

что данные образцы длинноклинкового оружия не воспринимались самими казаками как «инородные». Традиция массового импорта сабель в Казахскую степь к середине XIX в. имела уже столь давнюю историю, а «шамширы» настолько широко применялись состоятельными казахскими воинами, что их наличие в традиционном комплексе вооружения казахов воспринималось современниками как нечто само собой разумеющееся. Этот тезис подтверждается и материалами изобразительных источников первой половины – середины XIX в., согласно которым «шамширы» представлены в качестве обычного оружия казахской знати. Данной теме будет посвящено отдельное исследование.

Список литературы

- Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. М.: Хоббикнига, 1995. 192 с.
- Аствацатурян Э. Г.* Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 336 с.
- Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. 432 с.
- Бобров Л. А.* Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX в. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* СПб., 2012а. Ч. 1. С. 105–135.
- Бобров Л. А.* Источники поступления сабель в казахские войска XVIII – середины XIX в. // *Военное дело Улуса Джучи и его наследников.* Астана: Фолиант, 2012б. С. 346–362.
- Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.
- Бобров Л. А., Пронин А. О.* Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.* СПб., 2012. Кн. 2. С. 572–581.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 770 с.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) // *Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана.* Алматы, 2010. С. 204–217.
- Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: Abdi company, 2008. 880 с.
- Инполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // *ЭО.* 2001. № 2. С. 144–160.
- Каталог Дашковского этнографического музея. Составлен хранителем музея Н. Г. Керцелли. (Приложение к отчету музеев с 1873–1875). М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1877. 105 с.
- Кушкумбаев А. К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Московские ведомости. 1867. 31 янв. (№ 25).
- Парамонов И. А.* О кожевенном производстве в Туркестанском крае // *Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки / Под ред. В. Н. Троицкого.* М.: Университ. тип. (Катков и К°), на Страстном бульваре, 1872. Вып. 2: Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. С. 218–225.
- Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, составленное хранителем музея, профессором В. Ф. Миллером. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1887. Вып. 1. XIV + 161 с.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея: Альбом / Сост. А. М. Лютов; введ. и аннот. В. А. Дмитриева, С. В. Дмитриева, Е. И. Нератовой, Д. А. Шереметьева. СПб., 2006. 248 с.
- Царскосельский арсенал. СПб.: Изд. дом «Балтика», 2000. 135 с.
- Этнографическая выставка 1867 года Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете // *Изв. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии.* М.: Комитет антроп. выставки на средства, пожертв. В. Х. Спиридоновым, 1878. Т. 29. II + 93 с., ил.
- Khorasani M. M.* Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat, 2006. 776 p.

Khorasani M. M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. Tubingen: Legat, 2010. 560 p.

Список источников

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 16. Книга поступлений Музея народов СССР (№ 63210–64574) 1939 г. 498 л.

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 20. Инвентарная опись Инородческого отдела (№ 1370–1883). Кн. 3: Поволжье, Сибирь, Казахи. 149 л.

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 30. Систематический каталог коллекций Дашковского этнографического музея, составленный хранителем музея Н. Г. Керцелли. 176 л.

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Инвентарь коллекций Дашковского этнографического музея 1868 г. Ч. 1. 119 л.

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 36. Книга приношений в пользу Дашковского музея 1867–1914 гг. 205 л.

АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 57, дубль «В». Опись экспонатов V отдела (№ 31296–37078). Народы Средней Азии и Казахстана. Книга 8. 579 л.

Документы Отдела научной документации РЭМ. Опись коллекции 8763. Особая кладовая. Т. 1. 255 л.

Материал поступил в редколлегию 08.05.2013

L. A. Bobrov, D. A. Sheremetev

SABERS OF THE KAZAKH WARRIORS FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

The article is focused on three sabers from the collection of the Russian Museum of Ethnography (REM) in St. Petersburg which correlate with the complex of arms of Kazakhs (the 19th century). The study of museum documentation allowed us to establish that the two of them (8761–16424 a, б; 8761–13755 a, б) were the exhibits from the Moscow Ethnographic exhibition in 1867. The first saber, fitted with a handle made of horn, comes from the territory of Middle or Great jüz. It is highly probable, that this saber was the gift of Genghis Valikhanov (who was the grandson of the famous Ablay Khan, the son of the last khan of the Middle jüz – Valikhan, and the father of the outstanding researcher, officer and traveler – Shokan Valikhanov). The second saber, with a handle made of walrus ivory, comes from the West Kazakhstan. The third saber (8763–624 a, б) was transferred from the Central Museum of Kazakhstan in 1939. After analyzing of the construction and the system of decor, it was found that the first two sabers (8761–16424 a, б; 8761–13755 a, б) represent a variant of «Shamshir» of West Asia type. The blade of the saber 8761–16424 is stamped with the North Caucasian mark «Basalai». However this blade (as well as the handle and the scabbard) was most likely made by Iranian or Central Asian armorer, and the famous mark was stamped with a view to increase the value of the weapon. The saber 8763–624 combines the blade of «shamshir type» and the handle with the finial in the shape of a stylized eagle's head. The saber 8761–13755 was made by Iranian and the saber 8763–624 – by Iranian or Central Asian armorers. Swordbelts of all three sabers were made by Kazakh or Uzbek masters. Sabers from the collection of REM may be dated back to the second half of the 18th – the middle the 19th century. They clearly illustrate the written sources which tell about the prevalence of imported – Iranian and Central Asian – products in the complex of long-bladed arms of Kazakhs in the 18th – 19th centuries.

Keywords: Kazakhstan, Kazakhs, arms, saber, «Shamshir».